
О.Н. Опрятная
(Москва)

ТРИНИТАРНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ СЛОЖНОСТЬЮ

В статье выделены теоретико-методологические основания тринитарного подхода к интерпретации социальных процессов. Определен комплекс его базовых принципов, основанных на признании двойственного характера социальных процессов: их детерминированности и стохастичности одновременно. Выдвинута идея структурирования общества как «иерархии креатива» и предложен новый методологический подход к социальному управлению как к процессу управления сложностью на основе формирования масштабно-инвариантного управленческого комплекса «управление–соуправление–самоуправление».

Ключевые слова: тринитарность, системная триада, структуризация, дополнительность, креатив, сложность, социальное управление.

Одной из наиболее принципиальных проблем в продвижении социальной науки к формированию нового знания, адекватного потребности современного диалога с социальной реальностью, признана проблема нарастающей несостоятельности бинарного подхода, продолжающего оставаться методологическим основанием традиционной европейской науки¹.

Ольга Николаевна Опрятная – кандидат социологических наук, экономист НКО «Атис».

¹ К сожалению, в научной литературе не сложилось единого универсального определения «бинарного подхода». Поэтому, учитывая предельную категориальную обобщенность и многозначность понятия «бинарность», автор предлагает в рамках настоящей работы рассматривать «бинарный подход» как глубинный логический архетип европейской цивилизации, формализованный в аристотелевской логике в виде «закона исключенного третьего». Автор настаивает, что данная

В результате анализа эвристических возможностей бинарного типа мышления можно выделить присущие ему ограничения, заключающиеся в логико-дискретной природе бинарного архетипа, мышлении «ставшими», проявленными понятиями, что исключает описание в бинарных рамках живых систем. В социальной практике наиболее важными с точки зрения преодоления бинарности можно считать такие ее свойства как антагонистическая конфликтность, вырастающая из противоположности дуалистических структур, субъект–объектное неравенство в коммуникативном воздействии, укоренение бинарных противоположностей не только в мышлении, но и в способе деятельности общественных сил.

Преодоление бинарности и переход к более прогрессивным мировоззренческим основаниям – одна из главных задач в развитии общества и современной науки. Этот переход позволит развивать научное мышление и практику общественных отношений в иных, отличных от классического типа рациональности, более широких пространствах социально-культурного процесса. Одним из направлений в становлении иного мыследеятельного основания современной науки и социальной практики является тринитарный подход.

Процесс формирования истоков и предпосылок тринитарного подхода имеет свою историю. Тринитарные образы и идеи нашли свое отражение в традиционных верованиях, глубинных архетипах, религиозных доктринах и социальных устоях жизни социума. На разных этапах развития социологического знания ученые высказывали идеи, связанные с тринитарным восприятием проблем социума, чувствовали ограниченность бинарных логических конструкций, искали возможность уловить свойства общества как живого организма.

Предметом рассмотрения в данной работе является не сам факт существования триадности в ее различных проявлениях, а

формулировка не является определением, но лишь рабочим инструментом для целей настоящей статьи.

возникновение в методологии научного мышления идеи вероятности «третьего» состояния объекта, порождаемого глобальной коммуникацией системных отношений.

Сущность тринитарного подхода состоит в рассмотрении систем в процессе их становления, т.е. в комплексе существования–несуществования и вероятностного воплощения их промежуточных состояний и смыслов.

Теоретико-методологические основания этого подхода составили идеи и принципы различных научных направлений и концепций: тектологии (А.А. Богданов), общей теории систем (Л. Берталанди), синергетики (Г. Хакен, И. Пригожин), нелинейной динамики, теории детерминированного хаоса, теории катастроф, теории управления рисками, теории неявных знаний (М. Полани), концепции активного ненасилия (М. Ганди, М.Л. Кинг), теории фракталов, теории развития информационного общества и социально-информационных систем, а также идеи и концепции, разработанные в области теории социальной самоорганизации. В основе тринитарной методологии лежит диалектический метод Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, системный и синергетический подходы. Большое значение в разработке теоретико-методологического и прикладного аспекта тринитарного подхода имеют работы В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, Р.Г. Баранцева, В.Л. Романова, В.С. Степина и др.

Базисная роль в разработке идеи тринитаризма в России принадлежит профессору Санкт-Петербургского университета Р.Г. Баранцеву [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. В его работах утверждается идея необходимости создания открытой методологии, базирующейся на принципах нелинейности–когерентности–открытости, оформлено представление о системной триаде как простейшей структурной ячейке естественного синтеза, выражена ее семантическая формула, определены отношения между элементами триады. В этом контексте рассматриваются явление социально-массштабной инвариантности, проблема мерогенеза самоорганизующихся

систем, математическое обеспечение открытой методологии, связанное с идеями асимптотической математики.

В основе тринитарного подхода, предложенного Р.Г. Баранцевым, лежит идея всеобщности естественного синтеза, происходящего путем самоорганизации. При этом синтез понимается как фундаментальный принцип взаимоотношения порядка и хаоса. Хаос в нелинейных средах обеспечивает механизм структуризации. За счет воздействия малых флуктуаций среда получает импульс актуализации самоструктурирования, причем это структурирование имеет в потенциале целый спектр вероятностных воплощений. Простейшей операцией обретения структуры является обретение «строения», т.е. тройственного единства, в результате которого и возникает системная триада: комплекс двух равноположенных и исходно взаимодействующих элементов и множества их вероятностных взаимовоплощений. Мировоплощение этого единства нельзя дискретно зафиксировать, так как в каждый, сколь угодно малый момент времени оно уже иное. Изменяется не только мерогенез взаимопроникновения, но и соотношение миропроявленности и вероятности промежуточных состояний. Этот принцип, по сути, определяет идею системных взаимоотношений с точки зрения тринитарного подхода – простейшим элементом системного структурирования, т.е. образования простейшей системы, является системная триада. Исходная пара элементов самим фактом своего существования порождает коммуникацию в широком смысле этого слова, а следовательно, порождает ключевое свойство системности – синергию.

Характерно, что так называемый «третий элемент» триады – комплекс вероятных воплощений синергичного взаимодействия исходной пары, по сути, является элементом хаоса, т.е. постоянно присутствующим механизмом актуализации структурирования. Хаос, как имманентно присущий триадной паре процесс разноуровневого обмена играет ключевую роль в формировании конструктивной сложности и выборе эволюционного пути развития системы.

Именно «третий элемент» триады обеспечивает движение системы в иерархических уровнях в сторону ее конструкции или деконструкции. Хаотический элемент системного структурирования способен накапливаться и увеличивать интенсивность процессов, или наоборот, рассеиваться и сводить процессы к затуханию.

Триадные процессы представляют собой не механическое соединение структурных элементов в более сложную композицию, а качественное перерождение вновь структурированного образования в единое целое. При этом система и ведет себя по законам целого: в процессе структуризации отбрасывает все лишнее, дублирующие элементы, находит путь к коммуникации именно между элементами, способными производить живую энергию хаоса и жертвует полнотой в пользу целостности. При этом нарастающее системной сложности увеличивает энергию коммуникации, так как в процесс системного взаимодействия включается все большее количество системных триад, а следовательно, ускоряется темп структурирования, т.е. образования целого из системных компонентов. *Главное для тринитаризма в вопросе структурирования – все трансформации систем в иерархических уровнях сложности есть трансформации целого в целое, а не элементов в целое.* В мире нет сущностей, которые были бы элементом чего-либо и не имели бы собственной целостности. Тринитаризм в том и состоит, что воплощение целостности в единичном есть воплощение единства множества.

Характерно, что, обладая вероятностным характером воплощения, хаотический элемент системной триады создает множественность путей конструкции – деконструкции систем. При этом не прослеживается единой направленности процесса. В ходе структурирования системе приходится качественным образом перерождаться, деформируя существующие коммуникативные каналы. В зависимости от того, насколько успешными окажутся воплощения энергии коммуникации в рамках нового целого, наблюдаются либо новые резонансные явления взрыва активности,

либо, наоборот, уменьшение интенсивности процессов в системе, иногда приводящие к распаду. В качестве важнейших характеристик естественного синтеза выделяется нелинейность, когерентность, открытость [7]. И если нелинейность и когерентность базируются на таких свойствах хаоса как способность запускать механизм самоструктурирования с помощью малых флуктуаций и обеспечивать синхронизацию подсистем, приводящую к качественному перерождению элементов системы в новое целое, то открытость систем связана с такими свойствами хаоса как обеспечение изменчивости.

Хаотический элемент триады обеспечивает ее выживание в условиях неопределенного будущего. Его формирование в процессе коммуникации и есть приспособление, реакция системы на изменение внешних условий, причем – чрезвычайно гибкое, ибо представляет собой комплекс промежуточных состояний и смыслов. Система тем самым создает целый спектр своих возможных реакций и вариантов будущего развития.

Таким образом, тринитаризм придает крайне важное значение рассмотрению систем в процессе их становления с учетом хаотического фактора системного взаимодействия, определяющего единство процесса конструкции–деконструкции.

Классический системный подход допускает разделение системы на условно независимые элементы без учета множества промежуточных мировоплощений, возникающих из их простейшего взаимодействия, что по сути дела и есть утрата свойств системности, утрата синергии как главного свойства системы. В этом состоит главное отличие традиционного системного подхода от тринитарного.

Рассмотрим основные методологические принципы тринитарного подхода, которые сформировались как в рамках собственно тринитарных представлений о системной самоорганизации, так и в сфере синергетической теории нового научного знания.

Итак, в основе тринитарного подхода лежит **принцип триадности**, раскрытый выше, как универсальный принцип системного структурирования¹.

Вторым важнейшим принципом тринитаризма является **принцип становления**, так как сам факт динамического становления триады и системных образований подразумевает, что в основе становления лежат не устойчивые, целостные формы, а переходные, промежуточные. Динамика процесса, развитие происходит за счет существования множества производных. В этом отношении системная триада хаоса и порядка может воплощать собой следующие образы:

- образ времени как темпа, скорости становления как процесса возникновения–исчезновения;
- образ объекта, переходящего из потенциала в актуальность и обратно в процессе перевоплощения вероятностей;
- образ свободы как неограниченного числа вероятностей.

Принцип распознавания образов предполагает всеобщую нетождественность протекания процессов, однако параметры порядка сообщают системе некую модель поведения (образ), что дает возможность наблюдателю получить информацию о макроскопическом состоянии системы, расцениваемую наблюдателем как узнавание ее становления. При этом характерно, что процесс трансформации системы определяется как фазовый переход, т.е. движение системы в иерархических уровнях рассматривается в рамках бинарного мышления как некий факт отрицания системой прежних параметров порядка и приобретения новых. Тринитаризм же допускает мысли о том, что причиной изменения параметров порядка может быть появление «иног», равноположенного фактора вне системы, приведшего к включению системы в обобщающий

¹ Формулировка комплекса синергетических принципов научного познания, положенных в основу методологии тринитарного подхода, принадлежит В.И. Аршинову и В.Э. Войцеховичу [1].

класс объектов. При этом возможно как усиление значений параметров порядка, так и полное разрушение.

Принцип согласия декларирует идею о том, что становление формируется и узнается лишь в ходе коммуникации субъектов, т.е. выработке компромиссных, промежуточных смыслов и состояний.

Принцип соответствия означает возможность существования одновременно нескольких типов знания и их взаимную адаптацию, а соответственно, отсутствие четкой непреодолимой границы в их методологических принципах, постулатах и выводах.

Принцип дополнительности утверждает независимость (равноположенность) возможных научных описаний реальности различными теориями, и, наряду с этим, их системную дополнительность, синергичность в получении научного знания. По существу принцип дополнительности и есть сущностное выражение идеи тринитаризма с точки зрения современной науки.

Концептуальные основания тринитарного метода познания

Тринитаризм придает большое значение совершенствованию методологии научного познания. Во многом непримиримые противоречия, раздирающие сегодняшний мир, связаны с недооценкой разнообразия и единства форм человеческого мышления. Превознося рационализм, современная цивилизация скептически относится к иным возможностям мыслительной деятельности человека. В то же время принцип системной триады говорит о равноположенности и нераздельности рационального, эмоционального и интуитивного в человеке. Р.Г. Баранцев называет это единство «семантической формулой» системной триады [10].

Взаимодействие различных типов мыслительной активности порождает то единство упорядоченности и хаоса, которое способствует разрешению противоречий, возникающих в сфере сугубо рационалистического мышления. Производство в мыслительной

деятельности неупорядоченных элементов хаоса способствует творческому перерождению понятийной целостности равноположенной пары в бинарной оппозиции и приводит к появлению целого спектра промежуточных смыслов, проявленных, либо не проявленных.

Взаимодействие рационального, эмоционального и интуитивного в системной триаде мыследеятельности тоже подчинено определенным принципам. Главные из них: неопределенность–дополнительность–совместность [8].

Неопределенность задается тем, что в рамках тринитарного мировоззрения понятийные конструкции определяются не через контрадикторное, а через контрарное отрицание¹.

Наука всегда чувствовала неисчерпаемость «среднего», возникающего из противоположности А и «не А» в контрарном отрицании. Характерно в этом смысле высказывание Я. Лукасевича: «Я доказывал, что кроме предложений истинных и ложных, существуют предложения возможные, которым отвечает возможность, как нечто третье наряду с существованием и несуществованием. Так появилась трехзначная система логики»².

Дополнительность раскрывается в возможности существования различных понятийных конструкций, находящихся в разных пространствах смысла и не являющихся при этом взаимно противоречащими. Причем речь идет не только о природном языке как универсальном естественном пространстве формирования допол-

¹ Контрадикторное отрицание предполагает возможность исчерпывающего описания универсума через противопоставление двух логических элементов: А и «не А», в то время как контрарное отрицание описывает лишь ограниченную часть универсума, определенную взаимоотношением А и «не А» и состоящую из А, «не А» и того, что между ними. При этом в рамках контрарного отрицания нельзя выявить оставшуюся часть универсума, так как это потребует контрадикторного различения.

² Цит. по: Домбровский Б.Г. Львовско-Варшавская логико-философская школа (1895–1939). Львов, 1989. С. 25.

нительных смыслов, но и неформализованных в языке понятийных субстанциях, относящихся к сфере «эмоцио–интуицио».

Совместность парадоксально заложена в самом принципе бинарного противопоставления. Если есть основание, по которому понятия объединяются в оппозицию, значит, есть нечто, обеспечивающее их существование в рамках целостного комплекса – имманентный принцип сопряжения. С преодолением бинарности должен быть понят фактор сосуществования противоречий, т.е. совместности.

Р.Г. Баранцев определяет необходимость гармоничного развития всех элементов системной триады, возможность «понятийной» достройки недостающего элемента, внутреннее преодоление бинарности в процессе осмысления полярности в рамках нелинейных мыслительных операций [5].

Триадный принцип познания «рацио–эмоцио–интуицио» лежит в основе *метода медиативного синтеза*, который является важнейшим элементом тринитарного подхода. Медиативный синтез базируется на преодолении инверсии как наиболее распространенной формы бинарного структурирования и утверждении медиации. Исследуя сущность каждой из них, А.А. Пелипенко дает весьма точные характеристики [13].

Инверсия характеризуется тем, что сознание стремится к полному и абсолютному разделению с максимальным приятием одного и максимальным отчуждением противоположного. Ожесточаются полюса, умножаются производные смыслов. Но контрадикторное отрицание тем и характеризуется, что наращивание смыслов на одном из полюсов зеркально увеличивает их отрицательный потенциал на другом. В этом отношении примечательно парадоксальное замечание А.А. Пелипенко: «Чем больше мы знаем и говорим о Боге, тем рельефнее и контрастнее выступает образ Дьявола».

Инверсия создает между отяжелевшими полюсами пропасть, и в центре лишь переживающее сознание. Но полюса не могут притягивать безграничное число элементов, и через какое-то время

происходит инверсия, «схлопывание», перекодировка полюсов. При этом зачастую семантически статичные формы меняют ценностную окрашенность. При этом характерно, что инверсионная мыслительная парадигма функционирует как закрытая система, перераспределяя смыслы в рамках утверждения–отрицания. Медиация же предполагает принцип открытости. Это означает, что сознание выступает не как точка для реализации выбора в дуалистическом противостоянии, а как пространство синтетического становления промежуточных смыслов.

Инверсионное образование смысла – это инкорпорирование в альтернативные блоки, медиативное сознание пытается максимально продлить саму процессуальность творчества для того, чтобы ощутить момент «становления смысла».

Тринитарный подход с его идеей медиативного сознания как пространства, в котором происходит творческий синтез и преодоление мыслительных противоречий, представляется весьма перспективным с точки зрения развития теории познания.

Тринитарную методологию познания возможно весьма эффективно ее использовать в так называемых переходных слоях – областях разрыва макропараметров, которые в социологии ассоциируются с кризисными периодами в развитии общества. Традиционная методология направлена на скорейший переход сквозь слой и не ждет от него ничего самостоятельного, самоценного. Используя тринитарную методологию медиативности, возможно в условиях неопределенности лучше воспринять спектр развития нелинейных структур, ибо этот процесс воспринимается не только в рамках рациональности. По выражению Р.Г. Баранцева, семантическая формула системной триады становится востребованной по существу [4]. Триединство рационального–эмоционального и интуитивного способно организовать выход в сферу знаний, которые Майкл Полани назвал неявными или имплицитными, но доказал их огромное значение в трансляции результатов познания и формирования прогностических ориентиров [14].

Принципы тринитаризма применительно к теории и методологии социального управления

В области социального знания ключевым является тот факт, что социальные процессы – это процессы, происходящие в системах со значительной степенью сложности. Фактически **социальное управление на современном этапе – это управление сложностью**. И для того, чтобы понять качественно иной характер процессов, происходящих в системах с такой степенью сложности, нужно понять ряд важнейших характеристик, свойственных подобным системам. Прежде всего – это принципиальная невозможность разложения системы на элементы без утраты ее качественной специфики. Свойства сложной системы, определяющие ее своеобразие и целостность, не являются свойствами элементов, ее составляющих, не выводятся из совокупности свойств ее частей, а возникают вследствие обретения системой нового качества – структурной целостности путем системного синтеза. Нетрудно видеть, что этот принцип игнорируется современной теорией и практикой социального управления. Социальное управление в его традиционных формах разделяет сферы общественной жизни по разным основаниям, пытается прогнозировать развитие экономики, совершенствование социальной политики, решение экологических и социальных проблем в рамках абстрактных моделей, отражающих условные связи и взаимозависимости, но не имеющих отношения к реально происходящим процессам.

Однако вопрос заключается не только в том, что социальное управление работает с абстрактными процессами. Спецификой социальной жизни является особая роль человека в социальных процессах. Люди испытывают влияние реальности, определенным образом воспринимают ее (как правило, неполно и субъективно), осуществляют на основе этого восприятия действия, которые в свою очередь изменяют реальность и вновь воспринимают изменившуюся действительность. Подобный эффект получил название «рефлексивной петли».

Исходя из принципа дополнительности можно сказать, что социальные процессы обладают двойственной природной сущностью: они одновременно и детерминированы и стохастичны. Их детерминированность предопределена тем, что их реальное протекание наблюдается людьми, отвечающими на ход событий рефлексией и деятельностью, а следовательно, стохастический процесс не является таковым в полной мере. В его протекание добавляется детерминирующая составляющая, реализующая коллективную свободу воли. Особенно следует отметить значительное изменение в современных условиях механизма формирования и функционирования коллективной свободы воли. Социально-информационные системы получили возможность манипулировать сознанием и действиями людей и, как следствие, оказывать влияние на направленность социальных процессов. В этом отношении задача социального управления состоит в коррекции информационно-манипулятивных воздействий на общество с целью предотвращения формирования общественного развития исключительно в интересах отдельных социальных институтов, групп или общностей. Однако осуществление подобной коррекции – процесс весьма сложный, связанный с множественностью наблюдаемого. Одни и те же процессы, факты и явления неодинаково воспринимаются различными слоями и группами общества и вызывают принципиально разные реакции. Н. Луман называет это явление контингентностью. В нем заключена идея распределенности социальной информации по уровням, не сводимым к рефлексивному однообразию и обеспечивающим самореферентность различных социальных слоев и общностей.

Управление социальными процессами в современных условиях не может быть направлено на поиски идеальных норм и законов, создание современных управленческих структур и моделей в качестве основной задачи. Однако это не значит, что тринитаризм пренебрежительно относится к задачам формирования современной правовой и организационной базы социального управления. Речь

идет лишь о том, чтобы научиться мыслить в категориях и образах становящейся действительности, нацеливать свои усилия не только на развитие или совершенствование уже определившихся социальных процессов, но и быть готовыми к тому, что в процессе становления происходит возникновение и исчезновение сущностей и смыслов, реализующееся, как правило, через промежуточные, неявные состояния. Необходимость постоянного уточнения смыслов, текущий мониторинг социальных состояний и осуществление коммуникативной подстройки – неизбежные следствия самореферентности социума. Задача социального управления в данном контексте, очевидно, состоит в том, чтобы научиться создавать условия и механизмы, обеспечивающие постоянную, оперативную и гибкую коррекцию управления в ходе самоорганизации общественного процесса. Это, в первую очередь, связано с умением управленческой структуры направленно снизить разнообразие «вызовов среды» путем формирования компромиссных блоков, представляющих допустимый баланс интересов, и одновременно расширить разнообразие управленческих реакций и решений. Важно подчеркнуть, что попытки построить некие алгоритмы управляющих воздействий на принципах причинно-следственных связей обречены на неудачу.

Новые принципы социального управления предполагают *иерархию креатива* как способности человека или группы решать поставленный вопрос не путем перебора имеющихся в его распоряжении алгоритмов, а путем создания конкретного инновационного продукта, отражающего уровень личностного опыта и квалификации сотрудников в деле нестандартного решения творческих задач. При этом важнейшим принципом существования таких систем является баланс автономии и централизма. Автономия подразделения с одной стороны позволяет развиваться механизму самоорганизации в осуществлении собственно профессиональной деятельности, а с другой способствует тому, что целые комплексы управленческих проблем решаются запуском механизмов самоорганизации.

Наряду с этим централизм необходим как проявление высшего рефлексивного уровня, обеспечивающего целостность системы, ее движение по определенной траектории и осуществляющего коррекцию тренда.

Одной из первых работ в этом направлении была модель жизнеспособной системы С. Бира [12]. В ней были высказаны рекомендации о необходимости достижения точного баланса между управленческой демократией и диктатурой, о создании организационных структур, обеспечивающих управляемость, о природе кризисов. Работа рассматривала управленческую проблематику на уровне организации (фирмы) и внесла значительный вклад в развитие теории менеджмента.

Тринитарный подход к теории и практике социального управления базируется на развитии основных принципов тринитаризма, интерпретируя социальные процессы как процессы, происходящие в сложных, открытых, неравновесных системах.

Принцип триадности раскрывает механизм структурирования социума как диссипативной структуры, в которой происходят процессы структурной динамики, характеризующиеся потоковыми свойствами. Социальные потоки перемещения индивидов и социальных образований в иерархических уровнях системы, такие как миграции, социально-экономические переливы, стратогвые и статусные перемещения возникают из взаимодействия личности и общества в различных его проявлениях. Свойственное этому взаимодействию явление синергии, т.е. возникновение комплекса промежуточных взаимовплощений и есть выражение личности в многообразии социальных ролей. Это живая энергия хаоса, приводящая к бесконечному разнообразию форм социальной жизни. Триадность обеспечивает живую ткань функционирования социальных систем, она объясняет динамику изменения личностью своего положения в обществе на протяжении жизни, создание и распад новых общественных образований, изменения структурной организации и ценностных ориентаций общества. Третий

элемент триады – это элемент, запускающий самоструктурирование в том или ином направлении. От того, каким оказалось взаимодействие исходных элементов, зависит направленность социальных процессов. При этом необходимо особо подчеркнуть, что в этом взаимодействии принимают участие два особо сложных объекта фрактального типа – человек и общество, наделенные свободой как индивидуальной, так и коллективной воли. Поэтому процесс взаимовоплощения может иметь как миропроявленный, так и вероятностный характер, что не изменяет его колоссальной энергетической мощи.

Принцип триадности позволяет по-новому взглянуть на вопрос о структурировании системы социального управления. Первичным структурным элементом, обеспечивающим возникновение системных качеств, является триада – простейшее и одновременно безгранично сложное, обладающее дробной размерностью воплощения целого. Так как структурирование систем есть структурирование целого в целое, то, применительно к структуре социального управления, необходим фрактальный принцип организации управленческих структур, отражающий свойства рекурсивности. Управленческие структуры разных уровней должны сохранять свойство целостности, т.е. иметь возможность самостоятельно осуществлять комплексное управленческое воздействие на своем иерархическом уровне и при этом быть интегрированными в более крупную системную целостность. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не о «разделении властных полномочий» и распределении функции между управляющими структурами разного уровня. Суть фрактального сопряжения состоит в стратегическом решении каждым иерархическим уровнем своих проблем для поддержания общих для всех уровней параметров порядка. Структурирование социума происходит в соответствии с общими законами структурирования сложных систем: более крупные структуры создаются для выполнения тех задач, которые не могут быть решены более мелкими образованиями в силу свойства

эмергентности сложных систем. Однако более высокие уровни управляющего воздействия не допускают своего вмешательства в те проблемы, которые могут быть адекватно решены на низлежащих уровнях. Этот принцип четко определяет пограничные уровни изменения масштабов управленческого воздействия. Можно предположить, что привязаны они должны быть не к административно-хозяйственному или территориальному делению органов управления, а к комплексу задач, который способна реализовать та или иная управленческая структура в режиме фрактальной автономии. Вероятно, что для решения некоторых из таких задач потребуются деконструкция управленческих структур и функционирование в режиме временного, мобильного образования, способного осуществлять самонастройку путем коррекции численности, профессионального состава и уровня квалификации кадров, привлечения нетрадиционных ресурсных источников, выработки эффективных методов информационного воздействия и т.п. Важно, что управленческие образования в зависимости от задач должны представлять собой более или менее долгосрочные коллективы, обладающие комплексом необходимых полномочий, специалистов и ресурсов и осуществляющие свою деятельность в соответствии с общими идеями и установками, но самостоятельно и независимо в выборе стратегии.

Соподчиненными принципами триадности являются принципы, раскрывающие специфику социальной самоорганизации. Коренное отличие тринитарного подхода к социальному управлению от традиционных взглядов состоит в том, что тринитаризм рассматривает общество как живую систему, синтезируя системность, функциональность и диалектику развития в тринитарном комплексе становления. А следовательно, при формировании основных принципов управления социумом необходимо учитывать такие основополагающие свойства живых организмов как изменчивость—наследственность—отбор (знаменитая дарвиновская триада).

Синергетическая методология предполагает, что управляющее воздействие проявляется в создании возможностей выбора, в формировании особой зоны вариантов поведения системы, а следовательно, в реализации *принципа изменчивости* социальных объектов. При этом налицо явный парадокс: управление тем эффективнее, чем менее препятствует естественной изменчивости, хотя это часто создает впечатление неуправляемости.

Принцип наследственности в управлении означает то, что в процессе жизнедеятельности поведение элементов социосистемы сохраняет устойчивые стереотипы, проверенные многократным повторением во времени, что дает возможность использовать при анализе социального состояния метод «распознавания образов». Принцип наследственности позволяет применять в управлении прогнозирование специфических вариантов поведения социосистем, связанных с их национальными, религиозными, культурными особенностями.

Принцип отбора тесно связан с эффективностью латентного управленческого воздействия, ибо в тех случаях, когда управление успешно манипулировало ресурсами, подспудно выдвигая новую социальную задачу, не вмешиваясь в работу структур, задачи, как правило, решались самоорганизующимися группами быстро и успешно, на практике реализуя отбор и упорядочивание.

Следующие пять принципов тринитарного подхода к социальному управлению раскрывают комплексную коммуникацию системы и среды, базирующуюся на «негегелевской» диалектике равноположенности и производстве новых состояний и смыслов.

Принцип согласия в социальном управлении рассматривается как принцип равноположенности управляющего и ответного воздействия. Социальная система проходит все этапы становления, ощущая импульсы как управляющего воздействия, так и реакции на него. При этом само становление формируется и узнается обществом как неизбежный компромисс, выработанный в процессе коммуникации субъектов. Социальное управление не

может ставить иллюзорных задач, исключая ответное субъективное воздействие, типа «полного искоренения преступности». Чем более трезво и реалистично социальное управление способно предвидеть и оценить спектр реакций общества на то или иное управленческое решение, тем более точно возможно оценить поведение системы. Сознательное, или по незнанию, игнорирование общественного мнения по тем или иным острым социальным вопросам, а главное, пренебрежение реакций социального противодействия приводит к работе с «мнимыми сущностями». Важным аспектом применения в социальном управлении принципа согласия является необходимость учитывать наличие нескольких уровней социального знания об одном и том же предмете, распределенных на разных уровнях социальной организации и социального управления. Управленцы, принимая решение, как правило, исходят из уровня знаний, доступного им в силу их информационной обеспеченности и социального положения, в то время как при определенных условиях общество будет реагировать на это решение, исходя из совсем иных сведений и оценочных категорий.

Тринитаризм в социальном управлении предполагает всеобщую нетождественность протекания социальных процессов. Иными словами, в обществе не могут происходить два или несколько совершенно одинаковых процесса. Однако это не дает повода говорить о полной непрогнозируемости и неуправляемости социальной жизни. *Принцип распознавания образа* в социальном управлении предполагает выделение наиболее значимых в поведении системы ключевых моментов, абстрагирование от значительного количества единичных фактов и явлений и, как следствие, получение узнаваемой модели ее становления. Подобные методики получили распространение на достаточно больших временных циклах, однако нынешнее ускорение процессов социального развития свидетельствует о вероятности сжатия циклов во времени и возможности более широкого применения этого принципа. Главным для тринитаризма является необходимость сопряжения

абстрактного целеполагания, характерного для традиционного социального управления, с анализом траектории движения системы согласно вычлененной модели. В своем становлении система проходит различные фазы, которые далеки от законов линейного развития, поэтому искусство целеполагания в социальном управлении – это искусство предугадать последующую зону в пространстве становления, на которую выйдет система, и изыскать возможности ее коррекции.

Принцип становления применительно к теории социального управления означает, что в процессе субъект–объектных и субъект–субъектных взаимоотношений происходит коммуникация не только устойчивых, целостных, неизменных акторов, но и их промежуточных, переходных форм.

Осуществляя взаимодействие, управленческий комплекс испытывает на себе скорость и динамику протекания процессов возникновения – исчезновения, процесс вероятностного воплощения как выбор собственного образа и, наконец, неограниченную вероятность как свободу коммуникативного выбора. Это означает, что эффективная коммуникация по поводу осуществления какого-либо управленческого воздействия зависит от того, в какой стадии внутренней конструкции–деконструкции и темпа протекания этого процесса находятся исходные элементы триады. Продукт их взаимодействия при различных состояниях будет принципиально иным.

Попытки решать вновь возникающие, актуальные социальные проблемы в рамках разваливающихся, устаревших социальных институтов свидетельствуют об игнорировании принципа становления.

Принцип соответствия предполагает значительное расширение методологической базы социального управления. Декларируя возможность существования нескольких типов знания и их возможную адаптацию, принцип соответствия в духе тринитаризма отрицает наличие непреодолимых границ в постулатах и выводах различных научных теорий. В этом отношении характерные

изменения произошли с наукой: из государственного социального института она превратилась в сеть экспертных сообществ, обеспечивая в своих оценках и выводах плюрализм мнений и учет интересов разных слоев общества. Однако проблема традиционного социального управления и особенно его верхнего уровня в том, что из всего многообразия экспертных оценок выбирается лишь то, которое оправдывает уже принятое решение. Характерный пример с объявлением дефолта в 1998 г. При общем негативном настрое экспертов к подобному шагу в основу действий правительства была положена точка зрения очень небольшой группы людей – сторонников шоковой терапии.

И, наконец, *принцип дополнительности*, утверждающий независимость возможных описаний социальной реальности и, наряду с этим, их системную дополнительную и синергичность. Этот принцип подразумевает преодоление социальным управлением единообразия в рассмотрении управленческой проблематики в контексте субъект–объектных отношений, универсального целеполагания и деятельностно-преобразовательного подхода.

На данном этапе тринитарный подход не претендует на то, чтобы предложить простые практические рецепты по преодолению указанных противоречий. Его значение состоит в привнесении в методологическую базу социального управления новых представлений о сущности и характере социальных процессов, происходящих в системах, обладающих качественно важной характеристикой – сложностью. Дальнейшее развитие тринитарного подхода способно принести новые научные результаты в области социологии социальных процессов, теории государственного управления и государственной службы, социологической теории управления сложностью, теории организаций, эмергентного менеджмента, теории сетевой коммуникации и т.д.

Базовые принципы тринитаризма имеют особое значение для России как государства, сумевшего адаптировать в своей культуре мировоззренческие принципы западной бинарной парадигмы и

восточную логику многообразия. В современных условиях это удивительное качество предоставляет России шанс на опережающую рефлексию. Предельность бинарности и ее антагонистическая первооснова уже ясно осознается теоретиками цивилизационного развития, ищущими пути к коэволюции. Россия и ее «третий путь» – это уникальный историко-культурный и научный материал для формирования и реализации прогрессивных идей тринитарного подхода, который, по мнению автора, будет востребован в недалеком будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аришинов В.И., Войцехович В.Э.* Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. М., 2000.
2. *Баранцев Р.Г.* Бинарная наследственность, тернарные структуры, переходные слои // Синергетика. М.: МГУ. 2000. Т. 3.
3. *Баранцев Р.Г.* Имманентные проблемы синергетики // Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. М., 2002.
4. *Баранцев Р.Г.* Испытание цвишенизмом // Страна. Культура. Владивосток, 2000. № 8–9.
5. *Баранцев Р.Г.* Комплексирование целостности // Глобализация: синергетический подход. М.: РАГС, 2002.
6. *Баранцев Р.Г.* Концепции современного естествознания: опыт целостного подхода. СПб., 2001.
7. *Баранцев Р.Г.* Нелинейность–когерентность–открытость как системная триада синергетики // Мост. 1999. № 29.
8. *Баранцев Р.Г.* Принцип неопределенности–дополнительности–совместности в тринитарной методологии // Научные труды РИМЭ. Рига, 2001. Вып. 5.
9. *Баранцев Р.Г.* Системная триада – структурная ячейка синтеза // Системные исследования: Ежегодник 1988. М., 1989.
10. *Баранцев Р.Г.* Универсальная семантика триадических структур в искусстве-религии // Языки науки – языки искусства. М., 2000.
11. *Баранцев Р.Г.* Явление цвишенизма в социальных кризисах // Синергетика, философия, культура. М.: РАГС, 2001.
12. *Бир С.* Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993.
13. *Пелипенко А.А., Яковенко М.Г.* Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998.
14. *Полани М.* Личностное знание. М., 1985.